

Театр высокой культуры

Первые спектакли Государственного Польского театра в Москве

□ □

□ □

ством. Нина Андрыч сумела раскрыть и большую социальную глубину образа. Ум, светскость, обаяние Изабеллы не могут избавить ее от роли неудачницы. Она как будто расплачивается за ничтожность, праздность, вырождение породившей ее шляхетской среды.

Мягкость, сдержанность в использовании сценических средств характеризуют игру и других актеров. Превосходен Ежи Ленцинский в роли Томаша Ленцкого, отца Изабеллы. Тонкая живописность и скрытая ирония характеризуют образ графини, созданный одной из старейших актрис театра Марией Дулемба. Очень запоминается и колоритный старый чудак, бонапартист Жецкий в исполнении Яна Цецерского.

Большое актерское мастерство показал Лех Мадалинский, исполнитель другой центральной роли — Станислава Вокульского. Главное в его игре это даже не текст, а подтекст. Образ Вокульского внешне выглядит очень скудным и сдержанным; Вокульский как будто неизменно спокоен, хорошо владеет собой. А за всем этим — большая драма человека с противоречивой судьбой, так и не нашедшего своего пути и счастья в жизни, обманутого в лучших чувствах и лучших надеждах. Вряд ли только следовало к финалу пьесы превращать Вокульского в героя лирической драмы. Можно понять, почему Б. Прус, с ограниченностью его мировоззрения, стремился идеализировать и облагородить Вокульского. Современный театр должен был острее раскрыть социальные черты образа, в которомделец и предприниматель не мог, конечно, полностью спрятаться за страстной влюбленностью, не мог не проявиться с большей яркостью и определенностью.

В польском театре нас радует богатство жанров и связанное с этим богатство творческих индивидуальностей. Комедия «Муж и жена» Александра Фредро, классика польской драматургии, поставленная Богданом Коженевским, переносит нас в другой мир. Здесь тоже аристократия, но пока еще беспечная, имеющая запас жизненных сил, которые и прожигаются в мелком и крупном разврате, в потоке бесконечных удо-

вольствий праздной и бессодержательной жизни. Это типичная комедия положений, с блестяще разработанной интригой, легким диалогом, с подлинным фейерверком остроумных реплик и неожиданных поворотов действия.

В комедии всего четыре действующих лица: пресыщенный и скужающий граф Вацлав (артист Ян Кречмар), его легкомысленная и увлекающаяся жена Эльвира (Янина Романувна), молодой повеса-офицер Альфред (Чеслав Волляйко) и камеристка Юстыся (Юстына Кречмарова). В этом ансамбле трудно отдать кому-либо предпочтение. Искрометность диалога, живость, изящество, богатство жестикуляции и сценической динамики — все это говорит о том, что театр отлично владеет искусством представления, не теряя вместе с тем умения конкретно и реалистически убедительно раскрыть эпоху и ее нравы.

Третий спектакль «Юлиус и Этель» Леона Кручковского, виднейшего современного польского драматурга, лауреата международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», произвел, кажется, на москвичей пока что наиболее сильное впечатление. Это взволнованная поэма о последних часах жизни супругов Розенберг, невинно погибших на электрическом стуле в пью-йоркской тюрьме Синг-Синг. Всеми миру известно, что Юлиус и Этель предпочли смерть признанию в преступлениях, которых они не совершали.

«Героизм Юлиуса и Этель», — говорит о своей пьесе автор, — порождает веру в человека, в его неустрашимое достоинство, в его способность преодолевать страх, в его силу и моральную красоту. Вот почему я должен был написать эту пьесу».

Самые искусные меры принимают хозяева тюрьмы Синг-Синг, чтобы поколебать стойкость Юлиуса и Этель. Вот в камере устанавливают телефон. Он соединен с прокурором. Достаточно снять трубку, признать правоту судей и жизнь будет сохранена. Эта дьявольская приманка не помогает. Тогда приносят будильник. Его маятник как бы отсчитывает оставшиеся минуты жизни. Помни о смерти! Наконец, последнее испытание — свидание с детьми...

Мы глубоко чувствуем и понимаем драму двух простых людей, с огромным мастерством раскрытую драматургом, и преклоняемся перед их мужеством. Такие не

умирают! Прошло чуть более года после казни Розенбергов, и ныне в пьесе польского драматурга благодаря мастерству актеров их образы оживают и будут долго волновать не только современников, но и грядущие поколения. Пьеса становится подлинным памятником бесстрашию и мужеству честных и смелых людей.

Верно и убедительно театр показал, что стойкость и мужество в борьбе против насилия и мракобесия реакции — качества не отдельных героев, а многих миллионов людей, ныне обездоленных и прижатых пятой империализма, но не сдающихся, не отказывающихся от борьбы. Никаких черт внешнего героизма, никакого излишнего драматизма или надрыда нет в благородном исполнении образа Этель актрисой Галиной Миколайской и образа Юлиуса артистом Тадеушем Кондратом. Для новых героев театр нашел новую сценическую форму. Эта гармония формы и содержания составляет наибольшую творческую ценность спектакля. В преддверии смерти Юлиус и Этель тихо беседуют, почти не повышая голоса. Спокойно, с внутренней сосредоточенностью они разбивают коварные ухищрения палачей в облики джентльменов. И в то же время в сдержанной речи, в скупых движениях проявляется и полностью доходит до зрителя огромное драматическое содержание, подлинная взволнованность и страстность борьбы. Юлиус, характер сильный и неколебимый, поддерживает и укрепляет Этель. Они оба ведут напряженный поединок с прокурором и другими тюремщиками.

Надолго запомнится зрителям прекрасное мастерство Галины Миколайской. Мы видим молодую хрупкую женщину. На ощупь веках ее как бы лежит бремя двухлетнего пребывания в тюрьме. В глазах — дума о смысле и ценности жизни. В чуть согбенной фигуре — тяжесть пережитых страданий. И во всем облике — неуловимое женское, материнское обаяние, бесконечная любовь и доверие к Юлиусу, тоска о детях. Тадеуш Кондрат раскрывает высокий героизм простого человека. Ничем не привлекающая внешность. Очки. Отброшенные назад волосы над высоким, изрезанным морщинами лбом. Скромный серый костюм и белая сорочка без галстука. И в этом как будто мало заметном человеке — огромная сила сопротивления, непоколебимая уверенность в своей правоте и мораль-

ном превосходстве над теми, кто вынес смертный приговор. В тихом голосе Юлиуса — воля и убежденность, в его отношении к Этель — подлинно человеческая красота.

Хочется искренне поздравить Государственный Польский театр с этим спектаклем, который является, как нам кажется, крупным шагом наших польских товарищей к социалистическому реализму.

Впереди еще ряд новых спектаклей. Уже сейчас, однако, ясно, что перед нами театр высокой сценической культуры, обладающий большим мастерством в самых различных жанрах. Труппа Польского театра богата талантливыми режиссерами и превосходными актерами. Его художники обладают изыскательным вкусом и похвальной тщательностью в разработке декораций, реквизита и костюмов. Для творчества театра характерны мягкость, тонкость и благородство в пользовании сценическими средствами. Нигде нет нажима, дешевого расчета на успех, грубых или излишних ярких красок. Следует отметить серьезное внимание ко всем компонентам спектакля — от игры эпизодических персонажей до вдумчиво найденных деталей обстановки.

Искусство польского театра напоминает нам лучшие стороны творчества Московского Художественного театра. В то же время сочностью и выпуклостью в обрисовке быта и персонажей, безупречное владение языком, яркий сценический темперамент сродни Московскому Малому театру.

В показанных спектаклях явственно ощущается общность реалистических традиций русского и польского театров, живой интерес последнего к заветам великих учителей русской сцены — от Щепкина и Мочалова до Станиславского. В «Юлиусе и Этель» — спектакле боевой партийности и страстной идейной убежденности — мы радостно узнаем то новое, что внес в театральное искусство театр советской эпохи.

Взаимные поездки театров различных стран имеют большое политическое значение. Они укрепляют дружбу народов, устанавливают тесные связи между культурами дружественных стран. Вместе с тем творческие визиты такого рода взаимно обогащают сценическое искусство, будят творческую мысль, ведут театр вперед.

От всей души мы желаем нашим польским товарищам новых успехов!

А. СОЛОДОВНИКОВ.

Малый театр — в Варшаве, театр польский — в Москве. Что может лучше и полнее раскрыть ту атмосферу сердечной дружбы, взаимного интереса и глубокого уважения, которая определяет отношения между новой Польшей и Советским Союзом, между народами двух стран, между их мастерами искусства и деятелями культуры! Наше время богато международными встречами. Движимый стремлением к миру и добрососедским отношениям, советский народ все больше укрепляет и расширяет культурные связи с другими народами.

Но даже в этой атмосфере непрерывно развивающихся международных культурных связей приезд в Москву Государственного Польского театра — событие выдающегося значения. Это поистине большой праздник польско-советской дружбы. Мы ждали дорогих польских гостей. Мы знали, что в ответ на поездки в Польшу лучших театров Москвы, Ленинграда и Киева польский народ пришлет к нам свой лучший театр. И вот, вслед за Познанской оперой, вслед за визитами польских ансамблей и отдельных мастеров искусства москвичи встречают и приветствуют Государственный Польский театр, награжденный орденом Трудового Знамени 1-й степени...

Поднимается занавес Малого театра, и в сердце Москвы звучит живой и выразительный польский язык, который в устах выдающихся мастеров польской сцены приобретает особую мелодичность.

Гастроли в Москве начались показом «Куклы». Популярный роман Болеслава Пруса, инсценированный З. Леснодорским, дал для творчества режиссера и актеров богатейший материал. Художественный руководитель театра Б. Домбровский, поставивший этот спектакль, развернул колоритные картины жизни польского общества последней четверти XIX века. Перед нами завсегдатая кафе в старой Варшаве, приказчики из магазина средней руки, революционно настроенные студенты. И где-то рядом — представители чванной аристократии, все еще наполненные родовой епесью, хотя и обедневшие, хотя и ищущие поневоле контакта с «деловыми» кругами. История отношений между

разбогатевшим «купцом» Станиславом Вокульским и аристократкой Изабеллой Ленцкой и положена в основу сюжета инсценировки.

Ценность спектакля — в сочной и выразительной характеристике персонажей романа, в тщательном воспроизведении аксессуаров быта, в колоритных деталях эпохи, воссозданных творческой фантазией режиссера и художника (Отто Аксер), и, конечно, в превосходном мастерстве актеров. Даже действующие лица, не наделенные сколько-нибудь значительным текстом, предстают в такой яркой и продуманной до мелочей конкретности, в таком разнообразии и живописной сочности типажей, что страницы «Куклы» как бы оживают и надолго запечатляются в нашем сознании. Возьмем, например, красочное собрание в салоне князя, где аристократы обсуждают средства и способы легкой наживы. Чего стоит хотя бы барон Дальский (артист А. Дзвонковский) с его монологом, нафиксатуренными вильгельмовскими усами и расслабленной походкой.

Главную роль Изабеллы Ленцкой исполняет талантливая артистка польской сцены Нина Андрыч. Аристократическое воспитание заключило Изабеллу как бы в некий светский футляр. И все же сквозь эту маску напускного спокойствия, равнодушия и скуки артистка тончайшими средствами — вибрацией голоса, сдержанным жестом, выразительнейшей мимикой — раскрывает разнообразную гамму чувств, бушевающих героиню, различные нормы ее отношения к окружающим. В отношении Изабеллы к Вокульскому так и сквозит оттенок аристократического превосходства, маскируемые нотки презрения, ироническая насмешка, которая прячется порою за тонким и расчетливым кокет-